

ПОКОРЕНІЕ ДАГЕСТАНА

въ 1859 году.

(Изъ дневника кавказца.)

Въ октябрьской книжкѣ „Военнаго Сборника“ за 1859 годъ, была помѣщена статья г. Д. Г. подъ заглавіемъ: „Обзоръ послѣднихъ событій на Кавказѣ“. Прочитавши ее, нетрудно догадаться, что авторъ, находясь въ отрядѣ графа Евдокимова, бывшаго начальника войскъ лѣваго фланга, не принималъ личнаго участія въ славномъ дѣлѣ покоренія Дагестана и что статья составлена изъ реляцій и изъ статистическаго описанія края. Этого слишкомъ недостаточно для такого громаднаго подвига, какъ покореніе цѣлой страны и плѣненіе Шамиля.

Четыре года прошло со времени этого событія, и я рѣшился разсказать ходъ дѣла со всѣми его подробностями. На мою долю выпало счастье находиться тогда въ главномъ дагестанскомъ отрядѣ, подъ командою генералъ-адъютанта барона А. Е. Врангеля. Матеріаломъ для моего разсказа будетъ служить преимущественно мой собственный, веденный въ то время, дневникъ.

Читатели извиняютъ меня, если я буду повторять извѣстные изъ статьи г. Д. Г. факты: иначе разсказъ мой не имѣлъ бы

последовательности. Притомъ необходимо исправить нѣкоторыя ошибки автора статьи, какъ въ статистическомъ описаніи края, такъ и въ изложеніи самаго хода дѣла. Ошибки эти вкрались именно потому, что г. Д. Г. не только не находился въ дагестанскомъ отрядѣ, но даже и не бывалъ до того времени въ Дагестанѣ. Онъ говоритъ, напримѣръ (стр. 477 — 478): „Остальная часть лезгиновъ, обитателей Дагестана, отличающихся особенною буйностію характера, своеволіемъ и нежеланіемъ покориться чужому вліянію, удалились въ малодоступныя горы и тамъ составили вольныя общества на правомъ берегу Кази-Кумухскаго Койсу: акушинскія, даргинскія, цудахарскія и вольную Табассарань.“ Гдѣ же видѣлъ авторъ на *правомъ* берегу Кази-Кумухскаго Койсу малодоступныя горы и на какомъ основаніи приписать онъ упомянутымъ обществамъ буйность характера и своеволіе? Даргинское, цудахарское и акушинское общества давно покорны русскому правительству и всегда управлялись русскими офицерами. Въ послѣднее время, ими управлялъ полковникъ Лазаревъ (нынѣ генералъ-маіоръ). Если же и случались, дѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ этихъ обществахъ небольшія возмущенія, причиною которыхъ были мы сами же, вслѣдствіе неудачнаго выбора управителей, то они скоро подавлялись нашими войсками. Что касается до Табассарани, то она дѣйствительно была „вольная“ до экспедиціи 1855 года, благодаря своей лѣсистой мѣстности, но не вслѣдствіе малодоступности горъ. Самое названіе „вольной“ она сохранила послѣ этой экспедиціи только на словахъ. Буйность же характера табассаранцевъ и ихъ своеволіе опровергаются ходомъ самой экспедиціи. Мы почти безъ выстрѣла заняли Ханакское ущелье, разорили два большихъ аула: Ханакъ и Ругукъ, замѣчательныхъ по громадности нѣкоторыхъ зданій, что у горцевъ встрѣчается весьма рѣдко, и сдѣлали просьбу по направленію къ Чираху. Жители не только не мѣшали намъ, напротивъ сами являлись съ топорами на помощь. Можетъ быть, г. Д. Г., приписывая табассаранцамъ небывалыя качества, вспомнилъ времена Шахъ-Надыра: въ такомъ случаѣ съ нимъ нельзя не согласиться. Преданіе говоритъ, что Шахъ-Надыръ, подойдя къ тому самому ущелью, которое мы въ 1855 году заняли безъ всякаго труда, и остановившись около замка Едды-Кардашъ (семи братьевъ), составляющаго, вѣроятно, продолженіе дербентской стѣны, бросилъ внизъ камень и сказалъ:

„Въ ущелье войти можно только тогда, когда брошенный камень самъ собою поднимется наверхъ“.

Слѣдующее обстоятельство, относящееся къ той же экспедиціи 1855 года, еще яснѣе подтвердитъ мои слова. Послѣ занятія ущелья, войска были размѣщены по ауламъ, такъ какъ въ то время было довольно холодно (въ ноябрѣ и декабрѣ). Солдаты, по возвращеніи съ рубки просѣки, занимались отыскиваніемъ спрятаннаго жителями имущества, которое, по неожиданности нашего прихода, не могло быть увезено далеко: оно хранилось въ стѣнахъ сакель и въ ямахъ подъ пашнями. Много было отыскано тогда пшеницы, полбы, одежды, разной домашней утвари; найдены были даже кольчуги, латы и шлемы, доказывающіе древность ауловъ, куда до 1855 года не вступала непріязненная нога. Увлекался жаждой новой добычи, солдаты далеко и въ одиночку уходили отъ ауловъ. Нѣсколько человѣкъ табассаранцевъ, желая предохранить свое имущество отъ розысковъ, засѣли между деревьями на противоположномъ обрывистомъ берегу рѣчки и открыли пальбу по одиночнымъ солдатамъ, находившимся въ полѣ; изрѣдка стрѣляли они и въ аулъ, но, по дальности разстоянія, не причиняли никакого вреда. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Командующій войсками, генералъ-адъютантъ князь Г. Д. Орбелани, приказалъ сдѣлать засаду изъ нѣсколькихъ человѣкъ конно-иррегулярнаго полка, которые, поймавъ двухъ табассаранцевъ, привели ихъ въ аулъ. Послѣ этого случая, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, во всей Табассарани не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

Для характеристики невоинственныхъ табассаранцевъ прибавлю еще слѣдующее: находясь въ пяти или шести-часовомъ разстояніи отъ Дербента, они не только не думали завести торговлю съ русскими въ продолженіе полутора вѣка, но совершенно разобищались отъ насъ, даже отъ сосѣдей своихъ, кайтахцевъ и кумухцевъ. При появленіи нашихъ войскъ въ самомъ сердцѣ Табассарани, въ Канакскомъ ущельи, они толпами стекались для того, чтобъ убѣдиться собственными глазами, что русскіе такіе же люди, а не особенныя существа.

Послѣ этого невольнаго отступленія, вызваннаго ошибочнымъ взглядомъ автора статьи на Табассаранъ, обращаюсь къ разсказу.

Весной 1859 года, дагестанскія войска находились въ Ичкерн, для отвлеченія силъ Шамиля, дѣйствовавшаго противъ войскъ лѣваго фланга. По возвращеніи оттуда, въ первый день Пасхи, войска расположились въ своихъ штабъ-квартирахъ, ожидалъ новаго похода. Такъ прошелъ апрѣль, май и почти весь іюнь. Въ послѣднихъ числахъ іюня, получено было предписаніе отъ главнокомандующаго о сборѣ войскъ въ Буртунай (*). Здѣсь собрались: 11 баталіоновъ пѣхоты, рота саперовъ № 1-го баталіона, два дивизіона сѣверскихъ драгуновъ, сотня донскихъ казаковъ, 6 сотенъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, двѣ сотни конной милиціи, 12 горныхъ орудій №№ 5-го и 6-го батарей, 2 полевыхъ орудія и 2 полунудовыхъ мортиры, подѣ начальствомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генераль-адъютанта барона Врангеля.

По сборѣ отряда, тотчасъ же было приступлено къ разработкѣ дороги отъ Буртуналя до мичикальскаго спуска и къ устройству тамъ вагенбурга, какъ опорнаго пункта, при дальнѣйшемъ движеніи въ Андію. Цѣлю экспедиціи было одно-временное нападеніе, вмѣстѣ съ войсками лѣваго фланга (15 баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадрона драгуновъ, 12 сотенъ иррегулярной кавалеріи, при 20 орудіяхъ), подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Евдокимова, и войсками лезгинской линіи (11 баталіоновъ пѣхоты, эскадронъ драгуновъ, 14 сотенъ милиціи, при 12 орудіяхъ), подѣ командою генераль-маіора князя Меликова, на долину Андійскаго Койсу, по берегу которой, какъ мы тогда предполагали, будемъ устраивать укрѣпленія, какъ складочные и опорные пункты для дальнѣйшаго движенія во внутренность горъ въ 1860 году.

Хотя мы и не читали общаго предположенія о ходѣ военныхъ дѣйствій на 1859 годъ, разосланнаго изъ главнаго штаба арміи къ главнымъ начальникамъ частей, т. е. къ командующимъ войсками, однако мы знали основныя начала плана, судя по образу веденія войны, принятому, въ послѣднее время, на Кавказѣ княземъ Барятинскимъ: я разумѣю постепенное и проч-

(*) Штабъ-квартира Дагестанскаго пѣхотнаго полка, выстроенная въ 1857 году, по занятіи Салатана, нашими войсками, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, съ 15 августа по 15 ноября. Замѣчательный примѣръ баснословно-скорой постройки. Вся штабъ-квартира состоитъ изъ 12-ти каменныхъ казармъ съ желѣзными крышами и двухъ каменныхъ батарей. На работу ежедневно выходило до 6,000 человекъ, кромѣ полныхъ мастеровъ, для рытья и подноски камня.

ное занятіе одного мѣста за другимъ. Такъ были заняты: въ 1857 году дагестанскими войсками Салатавія, въ 1858 году Аргунское ущелье и въ 1859 году, весной, Ведень войсками лѣваго фланга и Дидо и Илянхиви войсками лезгинской кордонной линіи. Слѣдовательно, лѣтомъ 1859 года, надлежало занять Гумбетъ, Андію и Уикратъ, то есть всѣ мѣста вплоть по Андійское Койсу. Однако и въ этомъ планѣ пришлось сдѣлать, какъ увидимъ, большой скачокъ.

При описаніи хода дѣйствій, я по числамъ буду вести, въ параллель, движенія войскъ всѣхъ отрядовъ, въ покореніи Дагестана.

14-го іюля, дагестанскій отрядъ, находившійся до того времени въ Мичикъ-Кале, по предписанію главнокомандующаго, двинулся черезъ Анчимиръ къ аулу Аргуани, оставивъ въ вагенбургѣ 2 баталіона пѣхоты, при 8 орудіяхъ. Ауль Аргуани, расположенный по гребню отрога и состоящій изъ 500 или болѣе домовъ, былъ давно оставленъ жителями, какъ и всѣ аулы Гумбета и Андіи, изъ которыхъ большая часть были зажжены, по приказанію Шамиля, а всѣ гумбетовцы и андійцы насильно переведены имамомъ на правый берегъ Андійскаго Койсу. Здѣсь находился и самъ Шамиль, устроившій укрѣпленіе на горѣ Килитъ. На лѣвомъ же берегу лишь изрѣдка виднѣлись по горамъ небольшія партіи горцевъ, которые держались въ такомъ отдаленіи, что не могли наносить вреда, а потому позиція около Аргуани была занята почти безъ выстрѣла. По приходѣ авангарда, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель послалъ, подъ командою генералъ-маіора Ракуссы, одинъ баталіонъ стрѣлковъ, со изводомъ горныхъ одиногоровъ и Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, занять переправу черезъ Андійское Койсу въ урочищѣ Сигратлахъ. Вызваны были охотники для осмотра моста, что они и исполнили подъ сильнымъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ изъ крытыхъ галерей, устроенныхъ по правую сторону Койсу. Говорятъ, будто при кладкѣ ихъ присутствовалъ самъ Шамиль, платя рабочимъ по 50 к. сер. въ день. Оказалось, что мостъ былъ снятъ и подступъ къ нему, въ этомъ мѣстѣ, съ нашей стороны невозможенъ, такъ какъ дорога, ведущая къ нему, была взорвана и представляла отвѣсную стѣну въ нѣсколько саженъ высоты.

Въ этотъ день, чеченскій отрядъ находился около озера

Япи-амъ, а лезгинскій въ дидоевскомъ обществѣ, занимаясь разработкой дороги къ Иллихеви.

15-го числа, баронъ Врангель лично поѣхалъ на переправу, гдѣ узнали отъ генерала Ракусы о послѣдствіяхъ осмотра. Рѣшились было отступить, подвинуться къ другой переправѣ, въ аулъ Чиркатъ, гдѣ Койсу хотя и шире, но течетъ въ отлогихъ берегахъ, между тѣмъ какъ при Сагратлахъ рѣка прорыла себѣ путь между отвѣсными скалами въ нѣсколько сотъ сажень высоты. Берега ся въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде мостъ, сходятся на разстояніи менѣе двухъ сажень. Начальникъ инженеровъ въ Прикаспійскомъ краѣ, полковникъ Гершельманъ, вызвался навести мостъ въ полуверстѣ ниже, гдѣ доступъ возможенъ къ самой водѣ, хотя ширина рѣки не была еще изслѣдована. Полковникъ Гершельманъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что въ избранномъ имъ пунктѣ ширина рѣки не болѣе, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде мостъ. Баронъ Врангель, согласившись на предложеніе начальника инженеровъ, оставилъ отрядъ генерала Ракусы на прежнемъ мѣстѣ, усиливъ его двумя баталіонами пѣхоты и взводомъ мортиръ, а самъ отправился обратно на позицію въ Аргуани. По отъѣздѣ его, было немедленно приступлено къ вымѣренію ширины рѣки: она оказалась 15 сажень, между тѣмъ какъ у насъ былъ заготовленъ и взятъ съ собою матеріалъ для трехъ-саженнаго моста, почему мостъ и не могъ быть наведенъ въ этотъ же день.

16-го июля, на противоположномъ берегу, насупротивъ того самаго мѣста, гдѣ съ нашей стороны находился спускъ къ самому Койсу, былъ устроенъ мюридами завалъ, сложенный изъ огромныхъ каменьевъ и прикрывавшій входъ въ пещеру въ отвѣсной скалѣ. Пещера была занята отдѣльнымъ постомъ въ 20 человѣкъ мюридовъ, какъ говорили тогда жители селенія Харачи, и нѣсколькими человѣками изъ нашихъ бѣглыхъ. Весь нашъ берегъ, командовавшій этой пещерой, былъ усиленъ стрѣлками 21-го баталіона, выстрѣлы которыхъ были направлены на мюридовъ, засѣвшихъ въ пещерѣ, такъ что имъ не было возможности высунуть даже голову, не только что стрѣлять. Потому всѣ они вышли изъ своего убѣжища, изъясняя знаки покорности, усѣлись на камняхъ и насмѣшливо слѣдили за нашими приготовлениями къ переправѣ, какъ за дѣломъ неисполнимымъ. Недолго однако пришлось имъ посидѣть: скоро они опять спрятались въ свою пещеру, откуда имъ не суждено было выйти.

Я сказалъ, что съ нами былъ взятъ матеріалъ только для трехъ-саженнаго моста, а ширина рѣки по измѣренію оказалась въ 15 саженъ. Слѣдовательно, о наводкѣ деревяннаго моста нечего было и думать. Прибѣгли къ слѣдующему способу: трое пловцовъ: одинъ юнкеръ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, Агаевъ, и двое солдатъ, бросились въ рѣку; однако первая попытка была неудачна: двоихъ, въ томъ числѣ и Агаева, прибило обратно къ нашему берегу, а третій утонулъ. Несмотря на то, вызвались еще двое: Дагестанскаго пѣхотнаго полка юнкеръ Шпейеръ и рядовой Кочетовъ, старикъ лѣтъ пятидесяти. Они сперва зашли гораздо выше того мѣста, куда имъ слѣдовало переправиться, имѣя въ виду переплыть рѣку наискось по теченію, перекрестились и бросились въ Койсу.

Чтобы судить объ этомъ геройскомъ поступкѣ, нужно знать хорошо кавказскія горныя рѣки, въ особенности тѣ, которыя текутъ въ узкихъ и скалистыхъ берегахъ. На Кавказѣ есть особенный терминъ для обозначенія теченія мѣстныхъ рѣкъ: говорятъ, на примѣръ, что Сулакъ или Самуръ „катится“. Выраженіе чрезвычайно точное, которое легко повѣрить на самомъ дѣлѣ. Стоитъ только бросить въ воду пустой боченокъ: онъ не будетъ плыть ровно по поверхности воды, а будетъ постоянно нырять и вновь показываться, какъ будго вслѣдствіе вращательнаго движенія волнъ, зависящаго отъ огромнаго паденія и отъ слишкомъ большаго напора воды. Теченіе въ кавказскихъ рѣкахъ такъ сильно и быстро, что ворочаетъ огромные камни, производи страшный шумъ, слышимый на большомъ разстояніи. Мнѣ случилось видѣть около укрѣпленія Ахты, какъ рѣка подхватила буйвола, и черезъ нѣсколько секундъ по волнамъ нырялъ трупъ тяжелаго животнаго.

Вотъ въ такую-то стремнину бросились два смѣльчака и тотчасъ же скрылись подъ водою. По счастливой случайности, они вынырнули близъ противоположнаго берега, ухватились за выдавшіеся камни такъ крѣпко, что вода не могла ихъ сорвать, выбрались на берегъ и расположились поодаль отъ пещеры, въ которую опять спрятались мюриды, какъ только увидѣли на своемъ берегу двухъ русскихъ солдатъ. Въ эту минуту все вниманіе стрѣлковъ было обращено на пещеру, и если бы кто осмѣлился высунуть оттуда голову, сотни пуль мгновенно посыпались бы на мюридовъ. Потому наши смѣльчаки спокойно могли ловить камешекъ съ ниткой, бросаемый къ

нимъ съ нашей стороны безчисленное множество разъ. Камень былъ наконецъ пойманъ, а съ нимъ и привязанная къ нему нитка; за ниткой переставили бичевку, потомъ веревку и наконецъ канатъ такой величины, что можно было по немъ начать переправу. Онъ тотчасъ же и былъ привязанъ къ дереву и натянутъ. Первая попытка къ переправѣ по канату такъ же была неудачна, какъ и переправа вплавъ: она стоила жизни одному храбrecу. Надѣясь на свою силу, онъ, съ ружьемъ черезъ плечо и съ пантронташемъ, началъ переправляться на однихъ рукахъ; но какъ бы крѣпко ни былъ натянутъ канатъ, онъ все-таки будетъ имѣть дугу, которая, въ настоящемъ случаѣ, на серединѣ рѣки была отъ воды аршина на полтора. Солдатъ, держась за канатъ, опустился въ воду по-поясъ; его сорвало сильнымъ теченіемъ рѣки, и хотя онъ еще разъ показался на поверхности и даже имѣлъ присутствіе духа сбросить съ себя ружье, однако это не помогло: смѣльчакъ утонулъ. Тотъ, кто сталъ переправляться вслѣдъ за нимъ, былъ счастливѣе: обхвативъ канатъ руками и ногами, по правиламъ гимнастики, онъ началъ спускаться ногами впередъ сперва довольно скоро, а потомъ сталъ подниматься ногами кверху и въ этотъ моментъ едва не сорвался отъ сильнаго прилива крови къ головѣ; но, окунувшись нѣсколько разъ головою, успѣлъ, съ невѣроятными усиліями, достигнуть до противоположнаго берега. Такая переправа была и опасна и продолжительна, и потому устроили, благодаря находчивости одного изъ солдатиковъ, люльку, состоявшую изъ доски длиною въ ростъ человека, которая двигалась по канату посредствомъ деревянныхъ колецъ, прикрѣпленныхъ къ противоположнымъ концамъ доски. Переправляющійся ложился на эту доску и, передвигая ее руками, подвигался впередъ. Такъ переправились 16 всадниковъ конно-иррегулярнаго полка, 7 нижнихъ чиновъ изъ разныхъ частей войскъ, и три офицера: Теріевъ, Тургистановъ и Гайдпука. Этого числа было достаточно, чтобы справиться съ засѣвшими въ пещерѣ мюридами, а потому дальнѣйшая переправа была, по приказанію генерала Ракуссы, приостановлена, для того, чтобы канатъ не могъ перетереться и лопнуть. Когда на непріятельской сторонѣ очутились 23 человека, при 3 офицерахъ, одинъ изъ стрѣлковъ, прикрываясь заваломъ, перебрался на противоположный берегъ и тамъ пустил пулю въ пещеру, съ крикомъ ура, потомъ выстрѣлилъ

еще разъ, съ тѣмъ же крикомъ. Послѣ этого всѣ двадцать-три человѣка мгновенно бросились къ пещерѣ, гдѣ и началась работа штыкомъ и кинжаломъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ тамъ мюридовъ, какъ говорили, пятисотенный наибъ, пытался было бѣжать, укрывши себя нѣсколькими шубами, но не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ, пробитъ множествомъ пуль, пущенныхъ стрѣлками, сидѣвшими по гребню лѣваго берега. Другой мюридъ, кадій, изъяснившій покорность, былъ взведенъ всадникомъ на камень, вдающійся въ воду, какъ будто на эшафотъ, и, можетъ быть, былъ бы помилованъ; но общій крикъ всадниковъ, вѣроятно, знавшихъ его: „убей, убей его! это чохъ яманъ адамъ (очень дурной человѣкъ)“, рѣшилъ участь плѣннаго: всадникъ закололъ его кинжаломъ. Этимъ кончилась кровавая рѣзня, тѣмъ болѣе ожесточенная, что всѣ засѣвшіе въ пещерѣ мюриды поклялись надъ кораномъ или защитить переправу, или погибнуть. Шамиль до такой степени былъ убѣжденъ въ недоступности мѣста и въ невозможности переправы черезъ Койсу, что на другой день пріѣхалъ убѣдиться собственными глазами въ роковой для него дѣйствительности. Теперь нужно было позаботиться о переправѣ болѣе прочной, чтобы перевести на непріятельскій берегъ баталіоны. Эту трудную задачу, къ счастью, разрѣшилъ бывший тогда дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ Прикаспійскомъ краѣ подполковникъ Девель. Онъ потребовалъ со всего отряда коновязи, приказалъ сплести изъ нихъ плетенку шириною въ 1¹ аршина, длиною 14 сажень и съ нею отправился на мѣсто переправы. Однако, въ этотъ день, устроить переправу не удалось, такъ какъ время приходило къ вечеру; но для усиленія находившихся на противоположной сторонѣ 23 человѣкъ, при 3 офицерахъ, были переправлены по люлькѣ охотники Дагестанскаго пѣхотнаго полка, при штабъ-капитанѣ Иссейскомъ. 17-го іюля, съ утра, началась работа. Сперва натянули два каната, закрѣпивъ ихъ съ одной стороны за дерево, а съ другой за край плотины, устроенной еще наканунѣ сажени на двѣ въ самое Койсу, и по канатамъ начали перетаскивать плетенку. Работа эта до такой степени была трудна, что нѣсколько разъ отчаявались въ возможности устроить переправу. Къ вечеру мостъ былъ готовъ. Въ продолженіе дня, Шамиль, для воспрепятствованія устройства прочной переправы, поставилъ на высотѣ два орудія и, несмотря на дальность дистанціи

(болѣе версты по прямому направленію), мѣтко попадалъ, особенно въ тѣ мѣста, гдѣ тѣснилось больше народу.

Съ наведеніемъ моста, тотчасъ же было приступлено къ переправѣ баталіоновъ поодиночкѣ, что и продолжалось, при свѣтѣ фонарей, цѣлую ночь, вплоть до самаго утра. По зыбкости своей, веревочный мостъ имѣлъ двѣ качки: одну вверхъ и внизъ, а другую боковую, и не одинъ солдатъ крестился при началѣ и въ концѣ переправы. Нѣкоторые же изъ офицеровъ переползали лежи, потому что не могли вынести ни мучительной качки, ни оглушительнаго рева рѣки подъ ногами.

Въ продолженіе 16-го и 17-го чиселъ, горцы стекались на ближайшія горы, гдѣ устроивали небольшіе завалы и стрѣляли по нашимъ войскамъ; потому, 18-го числа, утромъ, по окончаніи переправы, генералъ Ракусса, съ находящимся по ту сторону войсками, атаковалъ завалы. Но они уже были пусты: горцы, видя ночью нашу переправу, удалились. По занятіи оставленныхъ заваловъ, передовой отрядъ имѣлъ, 19-го и 20-го чиселъ, отдыхъ, будучи въ это время усиленъ двумя баталіонами Ширванскаго полка. Отрядъ же генерала Врангеля оставался на прежней позиціи въ Аргуани, ожидая окончанія работъ по наведенію моста на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ мостъ у жителей, и разработки испорченнаго къ нему спуска.

21-го іюля, генералъ Ракусса, съ двумя баталіонами Ширванскаго полка и двумя Дагестанскаго пѣхотнаго, двинулся для занятія Белитлинской горы, на которую велъ довольно хорошо обработанный подъемъ, но укрѣпленный по гребню прочными завалами, защищаемыми аварцами, въ числѣ тысячи человекъ. Слѣдовать по этому подъему было если не невозможно, то, во всякомъ случаѣ, стоило бы намъ огромной потери, и потому сотникъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка Гайдарбекъ, извѣстный своею храбростію и удалствомъ, предложилъ генералу Ракуссу обогнуть гору съ другой стороны и, тамъ взобравшись, хотя и безъ дороги, зайти въ тылъ заваламъ. Отрядъ началъ подниматься по гребню отрога, съ западной стороны Белитля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось такъ круто, что принуждены были ползти на четверенькахъ, хватаясь руками за колючку и за камень, чтобъ не упасть въ кручу. Многіе не досчитались своихъ лошадей; но за то къ вечеру мы успѣли достигнуть вершины, хотя и съ этой стороны былъ тоже наблюдательный постъ, человекъ до ста. Горцы, не

вѣря своимъ глазамъ, что русскія войска, даже съ артельными, тяжело-обовьюченными лошадьми, поднялись по такой кручѣ, долго смотрѣли на насъ, не предпринимая ничего, но потомъ, какъ бы очнувшись, начали рыть заваль и бросать по поднимающимся колоннамъ камни. Скоро, однако, они принуждены были отступить, равно какъ и тѣ аварцы, которые защищали большой заваль. Итакъ, второе, почти недоступное мѣсто, на которое такъ надѣялся Шамиль, осталось въ нашихъ рукахъ, почти безъ всякой потери, что окончательно дало другой оборотъ настоящей экспедиціи.

Въ этомъ же день, главный дагестанскій отрядъ, оставивъ въ Аргуани одинъ баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, передвинулся за Койсу, гдѣ имѣлъ ночлегъ, и 22-го іюля, оставивъ при Сагратлахъ 2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, перешелъ къ деревнѣ Ахкентъ и соединился съ передовымъ отрядомъ генерала Ракуссы.

Одновременно съ движеніемъ главнаго дагестанскаго отряда изъ Мичикале къ Аргуани, т. е. 14-го числа, генераль-маіоръ Манюкинъ (нынѣ генераль-лейтенантъ и начальникъ 2-й пѣхотной дивизіи), съ отрядомъ, изъ двухъ съ половиною баталіоновъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и 16 сотенъ конной и пѣшей милиціи, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, по направленію къ Бурундукъ-Кале, куда прибылъ на другой день, соединившись съ отрядомъ генераль-маіора Тарханова, изъ полутора баталіона пѣхоты, дивизіона сѣверскихъ драгуновъ, при взводѣ горныхъ единороговъ, и трехъ сотенъ милиціи.

Весьма узкій бурундукъ-кальскій проходъ лежитъ между двумя отвѣсными скалами и защищался крѣпкою башней, въ которой было до 20 человекъ горцевъ, и поперечной каменной стѣной, обойти которую не было возможности. Поэтому генераль Манюкинъ, для избѣжанія лишней потери людей, устроилъ батарею на два орудія, которыя, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣлали въ башнѣ довольно большую брешь, куда тотчасъ же и были направлены три сотни милиціи, которыя, овладѣвъ башнею, истребили всѣхъ засѣвшихъ тамъ горцевъ. По взятіи Бурундукъ-Кале, путь къ Ирганаю былъ открытъ. Сюда отрядъ тотчасъ же и двинулся, но, пройдя его, долженъ былъ остановиться на зырянинской переправѣ, для исправленія моста черезъ Аварское Койсу.

Съ 23-го по 27-го іюля, главный дагестанскій отрядъ стоялъ

на позиціи у деревни Ахкентъ. Въ это время жители всѣхъ деревень Аваріи, какъ-то: Хунзаха, Цатаныха, Унцукуля, Моксоха, Мочоха, Гочатля и Голатля, и Гумбета: Чирката, Дануха и Игали, явились къ барону Врангелю съ изъявленіемъ покорности. То же самое сдѣлали Гимры, Араканы, Ирганай и Зырянны генералу Маниокину, а укрѣпленный аулъ Уллу-Кала, съ 4-мя орудіями и большимъ количествомъ военныхъ запасовъ, сдался полковнику Лазареву. Такимъ образомъ, къ 27-му числу была уже покорна бѣольшая половина Дагестана, благодаря геройской переправѣ черезъ Койсу и овладѣнію белитльской горой.

Теперь посмотримъ, какое участіе принимали, въ первой половинѣ покоренія Дагестана, отряды лезгинской и чеченскій.

Лезгинскій отрядъ, съ 14-го по 22-е числа іюля, занимался разработкой дороги въ обществѣ Илинхевн, а съ 22-го по 27-е атаковалъ и уничтожилъ Шауры и другія селенія въ илинхевскомъ обществѣ, но все еще далеко не дошелъ до цѣли, т. е. до Андійскаго Койсу.

Чеченскій же отрядъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова, съ 14-го числа, т. е. со времени прибытія къ нему главнокомандующаго, и по 17-е оставался на прежнемъ мѣстѣ—около озера Яппамъ, осматривавъ дороги въ Андію и Ичкери. 17-го числа отрядъ перешелъ на новую позицію—къ озеру Ретло, гдѣ оставался по 22-е число. Въ это время княземъ-наимѣстникомъ была произведена усиленная рекогносцировка въ технупальское общество, которая дала возможность осмотрѣть всѣ окрестности, повѣрить ихъ съ картой и построить три земляные редута, для прикрытія провіантскаго склада. 22-го числа, отрядъ перешелъ къ аулу Тандо, гдѣ тотчасъ же занялся разработкой дороги по спуску къ Андійскому Койсу.

27-го іюля главный дагестанскій отрядъ перешелъ изъ Ахкента въ такъ называемую Холодную балку, между хребтами горъ Инглохъ и Танусбалъ, оставивъ на прежней позиціи два баталіона Ширванскаго полка, при взводѣ артиллеріи. Дорога была довольно хороша и живописна: сперва спускалась къ аулу Цатаныхъ, замѣчательному тѣмъ, что, при общемъ возстаніи Аваріи въ 1843 году, жители этого аула вырѣзали наши двѣ роты, занимавшія тамъ гарнизонъ. Далѣе идетъ подъемъ на плоскую возвышенность Арахтау; отсюда начинается сперва отлогій, а потомъ довольно крутой перевалъ черезъ Инглохъ.

Въ этотъ день, генералъ-маіору Тарханову изъяснили свою

покорность жители укрѣпленнаго аула Чохъ, которые сами атаковали съ тыла ругджинцевъ, приготовившихся защищать аулъ, при появленіи нашихъ войскъ, и захватили бѣжавшаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, конкера, который, принявъ маготанство, былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Шамилю. 28-го іюля получено было предписаніе отъ главнокомандующаго, по которому баронъ Врангель долженъ былъ прибыть на позицію въ селеніе Талдо, для чего стрѣлковый баталіонъ и драгуны выступили по направленію къ Сіуху. Генералу же Ракуссу приказано было немедленно выступить, съ двумя баталіонами Дагестанскаго полка, въ Тилитль, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что первый наибъ Шамиля, Кибить-Магома, выпустилъ изъ Тилитля Шамиля и сына его Кази-Магому, заарестовалъ многихъ наибовъ, въ томъ числѣ и тестя Шамиля Джемаль-Эдина, захватилъ 13 орудій и, изъявляя покорность, просилъ о присылкѣ нашихъ войскъ. 29-го, баронъ Врангель, со своимъ штабомъ, поѣхалъ, подъ прикрытіемъ двухъ дивизіоновъ драгуновъ и чиркавской милиціи, въ главную квартиру, рассчитывая сдѣлать этотъ переѣздъ въ одинъ день; но дорога была такъ дурна, что, не добравши нѣсколькихъ верстъ до сел. Караты, онъ принужденъ былъ ночевать подъ открытымъ небомъ. 30-го числа, переправившись черезъ Андійское Койсу въ сел. Конходатль, по мосту хотя и деревянному, но не лучше нашего веревочнаго сугратлахскаго, къ часамъ пяти по полудни, подъ проливнымъ дождемъ, баронъ Врангель прибылъ въ главный лагерь.

31-го іюля и 1-го августа, происходили совѣщанія, цѣлію которыхъ было опредѣлить способъ управленія во вновь покоренномъ краѣ и обозначить границы между Прикаспійскимъ краемъ, лѣвымъ флангомъ и лезгинской линіей. Совѣщанія продолжались безъ князя Меликова, который, по причинѣ дурной дороги, пріѣхалъ только 5-го августа, принявъ на пути изъявленіе покорности и остальныхъ обществъ, какъ-то: Ункратля, Тандала и Флурмута.

2-го августа баронъ Врангель возвратился въ Карату, 3-го въ Сіухъ и 4-го соединился со своимъ отрядомъ, остававшимся на прежней позиціи—въ Холодной балкѣ. Того же числа, отрядъ выступилъ по направленію къ Гунибу, куда, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, укрылся Шамиль, со своимъ семействомъ. Экспедиція наша, въ это время, приняла особый характеръ. Прежде

дѣло шло о томъ, чтобъ охранять границы отъ вторженія горцевъ, что продолжалось съ 1849 года, т. е. съ неудачной осады укрѣпленнаго аула Чохъ, и до 1857 года, до занятія Салатави, когда мы медленно, но вѣрно подвигались впередъ. Въ настоящее же время мы не думали о покореніи края, а заботились о томъ, чтобъ захватить Шамиля. За нѣсколько мѣсяцевъ никому и въ голову не приходило, чтобъ, въ такое короткое время и почти безъ выстрѣла, можно было покорить всю страну. Разсмотримъ же подробнѣе причины, имѣвшія вліяніе на такой ходъ дѣла.

Авторъ статьи: „Послѣднія событія на Кавказѣ“, на стр. 493, говоритъ, что главною причиною было „концентричное движеніе нашихъ войскъ“, и, въ подтвержденіе, прибавляетъ: „Если припомнить направленіе, въ 1845 году, чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ отъ крѣпости Визаппой и укрѣпленія Евгеньевскаго къ Буртунаю, самурскаго отряда въ Чохъ и далѣе на Кара-Койсу и, наконецъ, лезгинскаго отряда въ Анкратль, то легко убѣдиться, что въ настоящемъ году для овладѣнія горами Дагестана былъ задуманъ совершенно тотъ же планъ, который приведенъ въ исполненіе въ 1845 году, княземъ Воронцовымъ: какъ тогда, такъ и теперь, въ горы были направлены съ разныхъ сторонъ концентрически сильныя отряды. Отчего слѣдствіемъ движенія князя Воронцова въ 1845 году было несчастное отступленіе нашихъ войскъ, а движеніе князя Барятинскаго повело къ быстрымъ, блестящимъ и прочнымъ успѣхамъ? Отвѣтъ понятенъ: на войнѣ удавалось, удастся и будетъ удаваться то, что соображено съ обстоятельствами времени и мѣста. Это великое, вѣчное правило, которымъ руководствовались всѣ военачальники, превосходно выказало свое вліяніе на ходъ дѣла въ походахъ 1845 и 1859 годовъ. Князь Воронцовъ, направляясь въ горы, долженъ былъ, одновременно съ движеніемъ впередъ, обезпечивать свои сообщенія и дробить войска для устройства правильнаго ихъ продольства: значительныя его силы были раздроблены, и, не имѣя возможности устроить свои сообщенія, не обезопасивъ тыла, князь Воронцовъ не могъ овладѣть и впереди лежащими горами, движеніе куда было рано задумано и не было соображено съ положеніемъ нашихъ военныхъ учрежденій въ Чечнѣ. Князь Барятинскій тоже двинулъ одновременно и концентрически войска свои въ горы; но дви-

женіе ихъ, вытекало изъ правильнаго военнаго занятія Чечни, повело за собою окончательное покореніе горъ“.

Изъ этой выписки мы видимъ, что г. Д. Г., проводя параллель между 1845 и 1859 годами, спрашиваетъ: отчего въ первомъ случаѣ было несчастное отступленіе, а во второмъ полный успѣхъ, и отвѣчаетъ: потому что 1) походъ 1845 года не былъ соображенъ съ духомъ времени и мѣста; 2) отъ слишкомъ большаго раздробленія войскъ для устройства правильнаго продовольствія; 3) оттого, что движеніе впередъ было рано задумано и не было соображено съ нашими военными учрежденіями въ Чечнѣ, и 4) что окончательное покореніе горъ въ 1859 году было прямымъ слѣдствіемъ правильнаго военнаго занятія Чечни.

Конечно, на войнѣ удавалось, удастся и будетъ удаваться все то, что соображено съ духомъ времени и мѣста. Истина неоспорима. Однако не зависить ли иногда полный успѣхъ отъ случайностей, иногда непредвидѣнныхъ? Напримѣръ, въ 1859 году, сагратлахская переправа была совершена потому, что двое храбрецовъ, идя на явную гибель, переплыли Андійское Койсу. Развѣ подобное обстоятельство, какъ и всѣ послѣдствія его, въ томъ числѣ и плѣненіе Шамиля, могло быть заранѣе соображено? Впрочемъ, и самъ авторъ статьи противорѣчитъ себѣ, говоря (стр. 498), что скорое паденіе всѣхъ оплотовъ власти Шамиля было *неожиданно*.

Если князь Воронцовъ, направляясь въ горы, долженъ былъ дробить свои войска для устройства правильнаго продовольствія, то подобная же мѣра была принята и въ 1859 году, въ дагестанскомъ отрядѣ. Я не говорю про лезгинскій и чеченскій отряды, имѣвшіе вліяніе на настоящій ходъ дѣла только своимъ присутствіемъ и готовностію двинуться впередъ: имъ, дѣйствительно, не было надобности дробить свои войска, потому что только къ концу экспедиціи. т. е. тогда, когда уже все было покорено, они достигли Андійскаго Койсу. Въ дагестанскомъ же отрядѣ, по мѣрѣ движенія впередъ, были оставляемы баталіоны въ Миникалѣ, Аргуани, въ урочищѣ Сагратлахъ, и, наконецъ, въ Ахкентѣ, и для той же самой цѣли, какъ въ 1845 году, т. е. для устройства правильнаго продовольствія.

Авторъ статьи говоритъ, что неудача движенія князя Воронцова, въ 1845 году, зависела оттого, что экспедиція была рано задумана, но не объясняетъ этого обстоятельства,

тогда какъ именно подробное объясненіе повело бы къ полному уразумѣнію успѣха въ 1859 году.

Окончательное покореніе горъ онъ признаетъ прямымъ слѣдствіемъ правильнаго занятія Чечни. Миѣ кажется, что на покореніе горъ занятіе Чечни имѣло то же вліяніе, какъ и занятіе Салатавіи, Аргунскаго ущелья, Дидо и Илянхеви. Всѣ эти прежде покоренныя общества сравнены авторомъ съ передовыми постройками, по которымъ, конечно, было идти нетрудно; но гдѣ же онъ нашелъ удобный входъ въ главной оградѣ, подъ именемъ которой, конечно, подразумѣваетъ Андійское Койсу. Не сагратлахская ли переправа была удобнымъ входомъ? Пожалуй, этотъ входъ можно назвать очень удобнымъ, но онъ сталъ такимъ только тогда, когда дагестанскій отрядъ расположился подъ обрывами Гуниба, въ ожиданіи приказанія овладѣть имъ.

Паралель между соображенными концентричными движеніями нашихъ войскъ въ 1845 и 1859 годахъ не совсѣмъ удачна. Не лучше ли провести паралель между положеніемъ самихъ горцевъ въ 1845 и въ 1859 годахъ? Быть можетъ, она приведетъ къ болѣе вѣрному пониманію неожиданно-громднаго успѣха.

Въ 1845 году, горцы, будучи еще одушевлены новымъ ученіемъ и въ особенности рядомъ событій 1843 года, имѣли полную вѣру въ Шамиля, были матеріально богаче, отъ прежней торговли съ русскими, и, наконецъ, многочисленнѣе. Въ послѣднее время, послѣ постоянныхъ поражений и неудачъ, вслѣдствіе раціональнаго выполненія превосходнаго плана княземъ Барятинскимъ, вѣрованіе въ непобѣдимость Шамиля поколебалось, народъ палъ духомъ, потому что непрерывная война вела къ полному разоренію. Причиною тому были: а) тяжкіе поборы, введенные Шамилемъ; б) прекращеніе выгодной торговли съ русскими; в) неимѣніе рабочихъ рукъ, такъ какъ всякій способной носить оружіе призывался къ казавату, который довелъ наконецъ до поразительнаго уменьшенія населенія: въ деревняхъ Аваріи, напримѣръ, не осталось никого, кромѣ женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Бѣдствующій народъ дошелъ до такого отчаянія, что ожидалъ только случая нязвергнуть невыносимое иго Шамиля. Случай представился. Мы овладѣли сагратлахской переправой и белитлинской горой—двумя пунктами, на крѣпость которыхъ

Шамиль такъ надѣялся; и что же? не прошло послѣ этого и нѣсколькихъ дней, какъ большая половина Дагестана принесла свою покорность. Первые покорялись тѣ, которые уже были прежде знакомы съ русскими и сознавали всѣ выгоды торговли съ нами.

Вотъ, какъ мнѣ кажется, главныя причины, вліявшія на ходъ скорого покоренія Дагестана.

Дагестанскій отрядъ, выступивъ, 4 августа, изъ Холодной балки и соединившись съ любимымъ своимъ начальникомъ, барономъ Врангелемъ, 5 августа, достигъ Аварскаго Койсу, черезъ которую и переправился по мосту въ аулъ Голотль. Переходъ былъ хотя небольшой, но довольно тяжелъ для войскъ, по причинѣ весьма дурной дороги по голотлинскому спуску, имѣющему болѣе 10 верстъ длины. Спускъ этотъ незадолго передъ тѣмъ былъ испорченъ самими жителями, по приказанію Шамиля, для воспрепятствованія дальнѣйшему слѣдованію дагестанскаго отряда. Но если ему не помѣшали идти впередъ ни Сагратлахъ, ни Белитль, то не могла, конечно, помѣшать и испорченная дорога, которую въ нѣсколько часовъ исправили на столько, чтобъ можно было пройти вьючному обозу. Впрочемъ, дорога, хотя и разработанная немного, до такой степени была дурна, что отрядъ растянулся во всю длину спуска. Авангардъ, по приходѣ, успѣлъ сварить себѣ кашу, а аріергардъ былъ еще на полуспускѣ.

6-го августа, къ дагестанскому отряду присоединились при баталіона гренадерской дивизіи, вмѣстѣ съ которыми отрядъ перешелъ на новую позицію, въ пяти верстахъ отъ Гунибдага, на уроч. Гунимиръ. Дорога направлялась сначала черезъ одинъ изъ овраговъ тилитлинской горы до рѣчки, а потомъ слѣдовалъ довольно крутой подъемъ на самую тилитлинскую гору, огибая болѣе возвышенную ея плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ обрывами въ нѣсколько ярусовъ. На отрасли этого хребта мы остановились на ночлегъ.

Только что отрядъ началъ вытягиваться отъ Голотля, какъ явился къ барону Врангелю Даніэль-Султанъ, бывшій генералъ-майоръ и управитель Елису, бѣжавшій въ горы въ 1844 году. Онъ явился съ покорностію, сдавъ посланному изъ нашего отряда офицеру укрѣпленный аулъ Ирибъ, съ 9 орудіями и боль-

шимъ количествомъ запасовъ. Баронъ Врангель тотчасъ же отправилъ Даниэль-Султана къ главнокомандующему, который, именемъ Государя Императора, объявилъ ему полное прощеніе.

7-го августа войскамъ данъ былъ отдыхъ. Дождь лилъ цѣлый день какъ изъ ведра, а какъ мы стояли на довольно большой высотѣ, то чувствовали порядочный холодъ, такъ что и шубы не были бы лишними.

8 и 9-го августа отрядъ стоялъ на прежней позиціи—на Гунимирѣ. Погода разъяснилась, и всѣ мы, выйдя изъ палатокъ, стали смотрѣть на Гунибъ.

10-го августа войска расположились вокругъ Гуниба, въ слѣдующемъ порядкѣ: на восточномъ фасѣ, со стороны аула Кегеръ, два баталіона Ширванскаго полка, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою командира того же полка, полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ, подъ командою генералъ-маіора Тарханъ-Моуравова, другіе два баталіона Ширванскаго полка, одинъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, одинъ баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка, Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и двѣ сотни конной милиціи; на южномъ — 21-й стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка и 1 баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою командира этого полка, полковника Тергукасова; на западномъ — два баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ командою командира того же полка, полковника Радецкаго.

Остальныя войска, состоявшія изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, Сѣверскаго драгунскаго полка и 6 сотенъ милиціи, при 14 орудіяхъ, образовали резервъ, который, того же 10 августа, перешелъ съ Гунимира черезъ сел. Ругджу на Кара-Койсу, гдѣ и имѣлъ ночлегъ.

11-го августа, резервъ, поднявшись черезъ аулъ Чохъ на Турчидагъ, перешелъ къ аулу Кегеръ. Укрѣпленный аулъ Чохъ, такъ упорно защищавшійся въ 1849 году противу князя Аргутинскаго - Долгорукова, а теперь изъяснившій покорность, былъ нами осмотрѣнъ съ большимъ вниманіемъ. Наружныя фасы укрѣпленія, безъ всякихъ пристроекъ, состоятъ, помнится, изъ простыхъ полигонныхъ фронтовъ, съ казематированными внутри галереями. Посреди укрѣпленія возвышается каменистый холмъ, которымъ какъ нельзя лучше воспользовался Шамиль для усиленія обороны, сдѣлавъ изъ него какъ бы цитадель. Здѣсь были изсѣчены изъ цѣльнаго камня:

пороховой погребъ, цистерна для стока дождевой воды, небольшой казарма съ бойницами для помѣщенія обороняющихся; сверху, тоже въ самой скалѣ, крытыя галереи съ бойницами, и, наконецъ, на самомъ верху—барбетъ, съ блиндажами для орудій, стрѣляющихъ черезъ амбразуру. Замѣчательная постройка по своей неразрушимой крѣпости, еще болѣе по громадности труда. Кромѣ того, отъ центральнаго укрѣпленія идутъ сводчатыя галереи по всѣмъ направленіямъ, какъ радіусы отъ центра къ окружности; наконецъ крытая сводчатая галерея спускается внизъ къ роднику. И вотъ такое-то укрѣпленіе, защищенное отъ оружейнаго и артиллерійскаго огня и стоявшее бы намъ, въ случаѣ штурма, огромнѣйшихъ потерь, сдѣлалось безъ выстрѣла, въ силу необходимости.

12-го августа резервъ передвинулся на кегерскія высоты, откуда, въ случаѣ штурма Гуниба, главнокомандующему было бы видно движеніе всѣхъ штурмующихъ колоннъ, такъ какъ вся площадь Гуниба, немного понижающаяся къ востоку, съ кегерскихъ высотъ открыта какъ на ладони.

Шамиль, несмотря на строгую, какъ намъ казалось, блокаду и на предстоявшій штурмъ, не думалъ о сдачѣ и направлялъ пушечные выстрѣлы на блокирующія колонны. Повидимому, онъ все еще вѣровалъ въ свою счастливую звѣзду, свѣтившую надъ нимъ такъ ярко въ продолженіе 25 лѣтъ, или, можетъ быть, надѣялся ускользнуть, какъ въ 1839 году изъ Ахульго, въ случаѣ взятія штурмомъ Гуниба. Иначе нельзя допустить, чтобъ Шамиль, послѣ столькихъ неудачъ, могъ быть убѣжденъ въ неприступности Гуниба и въ невозможности штурма. Позиція его была очень крѣпка; но что могли сдѣлать, для ея обороны, 400 мюридовъ на окружности болѣе 20 верстъ? Всю свою оборону Шамиль сосредоточилъ на восточномъ и южномъ фасахъ горы, т. е. со стороны Кегера и Ругджи; другія стороны онъ считалъ недоступными, хотя и поставилъ тамъ небольшіе наблюдательные посты. Съ этихъ-то сторонъ, казалось намъ тогда, взятіе Гуниба было легче, такъ какъ все вниманіе Шамиля обратилось бы на мѣста, считаемыя имъ болѣе доступными.

13-го августа войска стояли на прежнихъ позиціяхъ. Шамиль изрѣдка давалъ о себѣ знать пушечными выстрѣлами. Наши же блокирующія колонны перестрѣливались съ защитниками Гуниба, не допуская ихъ близко къ гребню; они, въ свою очередь,

угощали насъ каменьями, которыхъ много было собрано на восточномъ фасѣ. По крутымъ скатамъ этого фаса извивались тропинки, по которымъ, несмотря на всю бдительность блокады, каждую ночь, какъ оказалось впоследствии, доставлялись на Гунибъ и снаряды и чуреки изъ только что покорившагося аула Чохъ.

13 и 14-го августа войска все еще находились на прежнихъ позиціяхъ. Дѣлались приготовленія къ прїѣзду князи-намѣстника, отъ котораго присланы четыре человека изъ почетныхъ жителей Дагестана, для переговоровъ съ Шамилемъ. Ихъ тотчасъ же отправили на Гунибъ. Шамиль допустилъ присланныхъ до стѣны, въ уровень съ первымъ уступомъ прочихъ фасовъ, но, не слушая ихъ, сказалъ: „Я знаю, зачѣмъ вы пришли; убирайтесь скорѣе, иначе я велю стрѣлять по васъ. Если бы вы были хорошіе люди, то были бы здѣсь, а не съ гяурами“. Впрочемъ, посланные имѣли успѣхъ въ томъ отношеніи, что навели Шамиля на мысль вести съ нами переговоры и тѣмъ замедлить день сдачи или штурма. На другой же день, имамъ прислалъ одного изъ своихъ мюридовъ съ предложеніемъ вступить въ переговоры, почему немедленно было отдано приказаніе блокирующимъ войскамъ прекратить стрѣльбу. И въ 1839 году Шамиль вступалъ въ переговоры съ генераломъ Фези подъ Тилитлемъ и съ генераломъ Граббе подъ Ахульго. выдавъ даже аманатовъ: первому своего племянника Гамзатъ-бека, второму своего сына Джемаль-Эдина, а самъ бѣжалъ. Мы опасались, чтобы и теперь не случилось того же.

Для личныхъ переговоровъ съ Шамилемъ, повхалъ на Гунибъ полковникъ Лазаревъ, который, возвратившись 16-го числа, привезъ къ генералъ-адъютанту барону Врангелю письмо. Имамъ просилъ, чтобы ему прислали Даніэль-Султана, съ которымъ, какъ съ родственникомъ, ему хотѣлось посовѣтоваться о сдачѣ. Это желаніе не было исполнено, потому что Даніэль-Султана у насъ въ лагерь не было. Носились слухи, что Шамиль рассчитывалъ заманить Даніэль-Султана для того, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ его участь.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ, безъ исключенія, прїѣзда главнокомандующаго. Всѣмъ наскучило стоять передъ самымъ Гунибомъ и видѣть, какъ Шамиль все болѣе и болѣе укрѣплялся. Каждый толковалъ посвоему исходъ блокады: одни говорили, что Шамиль сдастся; другіе высказывали, что Ша-

милъ съ умысломъ оттягиваетъ время, чтобы дожидаться морозовъ, когда штурмъ сдѣлался бы невозможнымъ, по причинѣ обледѣнія тропинокъ, чрезвычайно крутыхъ; полагали еще, что онъ рассчитывалъ на сочувствіе вновь покорившихся жителей, которые, по уборкѣ хлѣба съ полей, снова могутъ возстать. Несмотря, однако, на различіе мнѣній, всѣ сходились въ одномъ, а именно: что скорый и рѣшительный мѣры необходимы, и всѣ были увѣрены въ возможности взятія штурмомъ Гунуба.

18-го августа, князь Барятинскій, находившійся до 10-го числа въ чеченскомъ отрядѣ, выѣхалъ этого числа къ намъ, посѣтивъ, на дорогѣ, Плихъ, Игали, знаменитую сагратахскую переправу, Чиркатъ, Ахульго, Унцукулъ и Гимбры, гдѣ отпустилъ конвоировавшій его дивизионъ нижегородскихъ драгунъ въ штабъ-квартиру въ уроч. Чиръ-Юртъ, а самъ, съ одними аварцами и койсубудинцами, черезъ Ахкента, Арахтау и Танусобаль, прибылъ въ Аварію. Здѣсь намѣстникъ былъ принятъ съ восторгомъ жителями, которые благодарили его за назначеніе ханомъ аварскимъ Ибрагимъ-хана. Изъ Хунзаха, черезъ Гилатъ, Тилитъ и Чохъ, главнокомандующій прибылъ къ дагестанскому отряду. Его ожидала торжественная встрѣча. Съ подъема на Турчидагъ и до самаго лагеря войска разставлены были шпалерами въ двѣ линіи; крики ура и пушечные выстрѣлы потрясали воздухъ.

Такъ какъ, съ пріѣздомъ главнокомандующаго, окончательно долженъ былъ рѣшиться вопросъ о штурмѣ, то прежде нежели стану говорить объ этомъ событіи, упомяну о дѣйствіяхъ лезгинскаго и чеченскаго отрядовъ съ 27-го іюля по 18-е августа.

Лезгинскій отрядъ, попрежнему, находился въ дидоевскомъ обществѣ, въ Иллихеви и только по замиреніи всего края былъ придвинутъ къ Аварскому Койсу, для устройства управленія въ Ункратъ и Тандалъ и для принятія Даніэль-Султана съ семействомъ и другихъ выходцевъ джаробълоканскаго общества. Этимъ отрядъ закончилъ свои военные дѣйствія въ 1859 г.

Чеченскій отрядъ по 3-е августа тоже находился на прежнемъ мѣстѣ—около аула Тандо. 3-го числа была произведена рекогносцировка теченія Андійскаго Койсу и заложено Преображенское укрѣпленіе между Міарсу и Конходатлемъ, чѣмъ и заключились дѣйствія этого отряда.

19-го августа полковникъ Лазаревъ, съ Даніэль-Султа-

номъ, ѣздилъ для переговоровъ въ Гунибъ, которые велъ отъ имени Шамиля, сынъ его Кази-Магома. Результатъ былъ тотъ, что, на другой день, утромъ, Кази-Магома и братья его Магометъ-Шафи согласились прибыть въ лагерь къ намѣстнику.

20-го августа, часовъ въ 11 вечера, пріѣхали, дѣйствительно, къ намѣстнику, но не сыновья Шамиля, а два нанба, съ письмомъ. Имамъ просилъ, чтобъ его отпустили, прямо съ Гунибдага, въ Мекку, соглашался быть подъ русскимъ конвоемъ, но явиться въ лагерь лично къ главнокомандующему не хотѣлъ. Во всемъ этомъ ему было отказано.

21-го августа полковникъ Лазаревъ ѣздилъ опять на Гунибдагъ склонить Шамиля къ сдачѣ; но Шамиль его не принялъ, потому что былъ въ мечети, по случаю джумы (пятницы). По захожденіи же солнца, имамъ далъ рѣшительный отвѣтъ, что скорѣе умереть, чѣмъ сдаться.

Несмотря на такой отзывъ, Шамиля все еще ожидали до полудня 22-го августа; затѣмъ отданъ былъ приказъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Въ видахъ устройства нѣсколькихъ батарей, велѣно было изготовить туры и фашины и потомъ, по пробитіи бреши въ стѣнѣ на восточномъ фасѣ горы, вести войска на штурмъ. Начальникомъ всѣхъ блокирующихъ войскъ и распорядителемъ инженерныхъ работъ былъ назначенъ инженеръ генераль-маіоръ Кеслеръ, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Врангеля.

23-го августа 4-й баталіонъ Ширванскаго полка занялъ позицію неподалеку отъ гунибскихъ укрѣпленій, помѣстивъ стрѣлковъ за каменьями. Резервъ остановился въ очищенномъ жителями хуторѣ.

Быть въ резервѣ и слышать о приготовленіяхъ къ штурму было не выносимо, а потому многіе изъ офицеровъ, находившихся на кегерскихъ высотахъ, выпросились у барона Врангеля въ составъ штурмующихъ колоній. Намъ было приказано отправиться въ колонну генераль-маіора князя Тарханъ-Моуравова; но какъ путь лежалъ мимо ставки генерала Кеслера, то онъ оставилъ насъ при себѣ, нуждаясь въ офицерахъ для передачи приказаній.

Генералъ Кеслеръ поручилъ инженеръ-капитану Фолькенгагену заложить, въ предстоящую ночь, батареи для атаки главной оборонительной стѣны, а чтобъ отвлечь вни-

маніе непріятеля, было отдано приказаніе всѣмъ блокирующимъ войскамъ подвинуться до перваго уступа, какъ бы съ намѣреніемъ штурмовать, позволяя идти дальше, если окажется возможнымъ.

Зная это приказаніе и чтобъ не терять понапрасну времени въ бездѣйствіи, я испросилъ позволенія у генерала Кеслера ѣхать къ саперамъ, находившимся въ колоннѣ полковника Кононовича. Генеральъ позволилъ, съ тѣмъ, чтобы я вернулся на другое утро и уведомилъ его объ успѣхѣ работъ. Дѣло было къ вечеру. Переправившись въ бродъ черезъ Кара-Койсу, я пріѣхалъ въ лагерь въ девять часовъ, и хотя было уже довольно темно, однако саперы еще не выступали, въ ожиданіи туровъ, которые вскорѣ были подвезены. Часовъ въ десять мы выступили. Туры неслись солдатами, а часть везлась на лошадяхъ. Дорога была до того малопроходима, что мы едва только къ полуночи успѣли достигнуть подножія той горы, гдѣ предполагалось устроить батарею. До разсвѣта оставалось не болѣе трехъ часовъ, и этого времени было слишкомъ недостаточно, почему и отложили свое намѣреніе до слѣдующей ночи. Притомъ самое мѣсто для батареи было еще не вполне изслѣдовано, вслѣдствіе чего капитанъ Фолькенгагенъ предложилъ мнѣ и прикомандировавшемуся тоже къ саперамъ, состоявшему по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, подполковнику Граббе (нынѣ флигель-адъютантъ, полковникъ и командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка) отправиться на самый гребень и высмотрѣть хорошенько это мѣсто. Ночь хотя была и безлунная, однако, при совершенно безоблачномъ небѣ, было не такъ темно, чтобъ насъ не могли замѣтить, даже въ сѣрыхъ пальто, которые лучше ступовываются съ фономъ земли. Почти ползкомъ добрались мы до вершины горы, но не успѣли пробыть тамъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ множество каменьевъ посыпалось сверху. Мы прилегли и, когда все стихло, опять поползли къ Гунибу. Мѣсто для батареи было выбрано очень удачно. Кромѣ того, что гребень горы командовалъ стѣной, и выстрѣлы отсюда могли отлично афилировать всю стѣну. Исполнивши свое дѣло, мы еще нѣсколько времени оставались на гребнѣ. Было такъ тихо, что, несмотря на дальность разстоянія—на пушечный выстрѣлъ—слышался отчетливо стукъ кремня объ огниво и видны были искры за непріятельской стѣной. Опять также тихо мы спустились обратно къ сапе-

рамъ, которые, сложивъ туры около рѣчки, ожидали только нашего возвращенія.

Съ разсвѣтомъ 25-го августа, возвратившись къ генералу Кеслеру, я думалъ немного отдохнуть. Въ это время явились къ генералу нѣсколько человѣкъ изъ чиркесской милиціи, съ просьбою отпустить ихъ на Гунибдагъ. Они увѣряли, что за стѣной нѣтъ ни одного мюрида. Въ подозрную трубу мы, дѣйствительно, рассмотрѣли, что очень много мюридовъ бѣжали отъ стѣны наверхъ; потомъ и палатка Шамиля, стоявшая до тѣхъ поръ на самомъ краю обрыва, исчезла, и наконецъ орудіе съ шумомъ слетѣло внизъ. По всѣмъ этимъ признакамъ, нетрудно было догадаться, что какой нибудь изъ нашихъ колоннъ удалось взобраться, что и подтвердилось вскорѣ показавшимися русскими штыками на верху горы. Это были солдаты колонны генералъ-маіора Тарханъ-Моуравова. Генералъ Кеслеръ, съ находящимися при немъ офицерами и чиркесской милиціей, тотчасъ же поѣхалъ на Гунибдагъ.

На Гунибъ взобрались одновременно двѣ колонны: полковника Тергукасова, съ южной, и генерала Тарханъ-Моуравова, съ сѣверной стороны, вотъ какимъ образомъ:

Въ ночь на 25-е августа, вслѣдствіе распоряженія генерала Кеслера, 1-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка изъ южной колонны, подъ начальствомъ подполковника Егорова, подошелъ къ первому скалистому обрыву и, вида, что горцы не замѣтили его движенія, рѣшился идти далѣе, тѣмъ болѣе, что мѣстность съ этой стороны была не такъ недоступна, какъ на сѣверномъ и западномъ фасахъ: тутъ оказались тропинки, для обороны которыхъ противъ колонны полковника Тергукасова оставленъ былъ малочисленный караулъ, да и тотъ, утомившись отъ постоянной бдительности, уснулъ. Поэтому баталіонъ Егорова, имѣя впереди 130 охотниковъ, подъ начальствомъ капитана Скворцова, съ большимъ трудомъ успѣлъ добраться до втораго обрыва, не замѣченный карауломъ. Ободренные успѣхомъ, солдаты вскорѣ взошли и на второй обрывъ и наконецъ на самый Гунибъ. Караулъ, проснувшись, съ ужасомъ увидѣлъ предъ собою русскихъ. Горцы бросились бѣжать; но это удалось немногимъ: большая часть легла на мѣстѣ, подъ штыками нашихъ охотниковъ. За первымъ баталіономъ поднялись еще двѣ роты четвертаго баталіона. Тогда полковникъ Тергукасовъ, находя себя довольно сильнымъ, дви-

нулся прямо къ находившемуся отъ него въ верстахъ пяти аулу Гунибу, на дорогѣ присоединивъ къ себѣ 21-й стрѣлковый баталіонъ, который успѣлъ подняться на Гунибъ одновременно съ баталіономъ подполковника Егорова.

На сѣверномъ же фасѣ, при подъемѣ, хотя и встрѣтилось болѣе затрудненій, однако колонна генерала Тарханъ-Моуравова, имѣя впереди стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка и сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, поднялась на Гунибъ почти въ одно время съ колонной полковника Тергукасова. Поднявшись на Гунибъ, генералъ Тарханъ-Моуравовъ отрядилъ одну часть своей колонны къ сел. Гунибъ, а другую въ тылъ укрѣпленія восточнаго фаса. Блескъ штыковъ этой-то колонны и былъ видѣнъ нами снизу.

Главное затрудненіе при подъемѣ встрѣтила колонна полковника Радецкаго, почему она и поднялась позже другихъ.

Полковникъ же Кононовичъ, какъ только замѣтилъ бѣгущихъ за стѣной мюридовъ, тотчасъ же двинулъ впередъ, для занятія стѣны, оба свои баталіона Ширванскаго полка.

Итакъ, Гунибъ, казавшійся издали недоступнымъ, увидѣлъ на вершинѣ своей всѣ колонны храбраго дагестанскаго отряда.

Шамиль, узнавъ о появленіи русскихъ, уѣхалъ въ сел. Гунибъ, со своими двумя сыновьями и нѣсколькими изъ приближенныхъ мюридовъ. Мюриды, оборонявшіе стѣну и бѣжавшіе вверхъ, не имѣя возможности пройти въ аулъ, бросились въ лѣсъ, откуда завязали перестрѣлку съ поднимавшимися поодиночкѣ баталіонами Ширванскаго полка. Изъ этихъ баталіоновъ, одинъ, съ полковникомъ Кононовичемъ, направился къ сел. Гунибъ, а съ двумя ротами другаго баталіона поѣхалъ туда же генералъ Кеслеръ; слѣдовательно, на рѣчкѣ, около лѣса, довольно большаго и густаго, остались только двѣ роты, съ майоромъ Штанге, на долю которыхъ и выпало имѣть дѣло съ засѣвшими въ лѣсу горцами. Майоръ Штанге послалъ одну роту для выбитія непріятеля, но она была отброшена къ опушкѣ лѣса дружно бросившимися мюридами; тогда была двинута и другая рота въ обходъ горцамъ, на противоположную сторону лѣса. Мюриды, видя себя окруженными, снова устремились на ту же роту и кинжалами проложили себѣ дорогу. Одна часть ихъ, человекъ сорокъ, бросилась внизъ къ передовымъ укрѣпленіямъ, другая, большая часть, въ обрывистый оврагъ, образуемый теченіемъ рѣчки. Туда, вслѣдъ за ними, кину-

лись и ширванцы. Около пещеры началась кровавая схватка на смерть. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ мюридовъ, имѣя въ себѣ два штыка, одинъ въ груди, другой въ животѣ, успѣлъ схватиться за ружье, которое было въ груди, и, вдвинувъ его глубже въ себя, чтобы достать своего противника кинжаломъ, нанесъ ему два удара по головѣ, около челюстей, съ такою силой, что брызнулъ мозгъ. Скоро, однако, всѣ мюриды лежали уже мертвыми вдоль по рѣчкѣ, вода которой долго еще послѣ боя была красною.

Въ пещерѣ, около которой происходила схватка, нашли женщину съ груднымъ ребенкомъ. Женщина была убита, ребенка же (дѣвочку) спасъ прапорщикъ Ширванскаго полка Вріонн (*).

По прибытіи къ сел. Гунибъ, генералъ Кеслеръ, зная желаніе главнокомандующаго, чтобы имамъ былъ взятъ живымъ, расположилъ войска кругомъ селенія такъ, чтобы преградить Шамилю съ семействомъ и мюридамъ, которыхъ было человѣкъ 150, всѣ пути къ бѣгству.

Въ это время пріѣхалъ на Гунибъ князь Барятинскій; генералъ-адъютантъ баронъ Врангель принялъ начальство надъ войсками.

Послѣ нѣсколькихъ удачно пущенныхъ гранатъ въ сакли, гдѣ находились Шамиль съ семействомъ и его сыновья, выѣхали изъ аула два парламентаря, въ томъ числѣ Юнусъ, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ имамъ. Стрѣльба тотчасъ же была прекращена, и войска, стоя кругомъ аула, безмолвно слѣдили за ходомъ дѣла, ожидая съ нетерпѣніемъ приказанія броситься въ аулъ. Нетерпѣніе солдатъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ входили въ аулъ, но сейчасъ же были прогоняемы въ свои части поминутно посылаемыми отъ барона Врангеля адъютантами. Судя по переговорамъ, веденнымъ Юнусомъ отъ лица Шамиля, трудно было имаму рѣшиться на сдачу. Юнусъ требо-

(*) Не могу умолчать, что сдѣлали для этой дѣвочки ширванцы-офицеры, по возвращеніи въ свою штабъ-квартиру въ уроч. Куссары. Командиръ полка, полковникъ Кононовичъ, взялъ малютку къ себѣ, окрестилъ, далъ ей имя чтимой въ Грузіи св. Нины и положилъ ей на зубокъ, какъ я узналъ впоследствии, значительную сумму денегъ. Кроме того, всѣ офицеры обизвались, до совершеннѣйшаго дѣточки, выплачивать ежестрѣнно по нѣсколькимъ процентамъ изъ получаемого жалованья. Такимъ образомъ, малютка стала, въ истинномъ смыслѣ слова, дочерью цѣлаго полка; а чтобы еще болѣе сроднить ее съ полкомъ, дали ей фамилію по названію полка, и теперь маленькая лезгинка, уроженка аула Гунибъ, называется Нина Ширванская.

валъ, чтобъ войска были отодвинуты отъ селспія, потому что въ такомъ только случаѣ Шамиль соглашался выйти изъ аула, но, получивъ отказъ, вернулся къ имаму съ отвѣтомъ. При вторичныхъ переговорахъ, онъ предложилъ, чтобъ никого изъ магометанъ не было на дорогѣ, по которой поѣдетъ Шамиль. Это было исполнено. Долго еще тянулись бы переговоры, еслибъ вновь не былъ посланъ къ Шамилю полковникъ Лазаревъ съ окончательнымъ условіемъ, что если, въ продолженіе назначеннаго времени, имамъ не выйдетъ изъ селенія, то войска двинутся на штурмъ. Не прошло и получаса, какъ Шамиль, въ сопровожденіи двадцати человѣкъ мюридовъ, державшихъ ружья наготовѣ, вышелъ верхомъ. Лишь только онъ показался изъ аула, какъ всѣ окружавшія селеніе войска крикнули, отъ избытка чувствъ, ура. Это такъ озадачило Шамиля, что онъ сейчасъ же повернулъ лошадь назадъ въ аулъ; но когда ему объяснили, что подобнымъ крикомъ войска приветствуютъ его, онъ возвратился и медленно, съ блѣднымъ лицомъ и опущенными глазами, подѣхалъ къ барону Врангелю, слѣзъ съ лошади и пѣшкомъ подошелъ къ генералу.

Баронъ Врангель, желая ободрить до крайности потерявшагося имама, сказалъ:

— Я убѣжденъ, что главнокомандующій приметъ тебя хорошо.

— Я скажу это только тогда, когда возвращусь въ аулъ, тихо отвѣчалъ Шамиль,—слова, показывающія, какъ мало разсчитывалъ онъ на помилованіе.

Увидѣвъ главнокомандующаго, Шамиль, за нѣсколько шаговъ, слѣзъ съ лошади и подошелъ къ князю-намѣстнику одинъ; мюриды были остановлены.

Съ первыхъ же словъ Шамиль сталъ предлагать свои условія; но главнокомандующій отвѣчалъ: „Теперь не ты долженъ предлагать условія, а я. За жизнь твоего семейства и за цѣлость твоего имущества я ручаюсь; остальное зависитъ отъ милосердія Государя Императора“. Этимъ закончились переговоры. Шамиль уже не возвращался въ аулъ: онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ княземъ-намѣстникомъ, въ лагерь, на кегерскія высоты.

По отѣздѣ главнокомандующаго и командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ Кеслеръ, оставшись съ пятью баталіонами пѣхоты и расположивъ войска, сдѣлалъ рас-

поряженіе объ отправленіи въ лагерь двухъ сыновей Шамиля и остальнаго его семейства.

26-го августа всѣ войска, исключая двухъ баталіоновъ пѣхоты, оставленныхъ на Гунибдагѣ, были стянуты въ лагерь на кегерскія высоты, для парада и для выслушанія благодарственнаго Господу Богу молебствія за дарованную побѣду.

27-го августа войскамъ данъ былъ отдыхъ. Во всѣхъ полкахъ дѣлались представленія къ Высочайшимъ наградамъ отличившихся при взятіи Гуниба, и къ тѣмъ, которыя могъ давать главнокомандующій по предоставленной ему власти. Для награжденія же орденомъ св. Георгія была на мѣстѣ составлена дума изъ кавалеровъ этого ордена.

28-го, главнокомандующій уѣхалъ въ Тифлисъ, а генераль-адъютантъ баронъ Врангель въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда, черезъ нѣсколько дней, отправился въ Петербургъ, сдавъ командованіе краемъ бывшему начальнику лезгинской кордонной линіи, генераль-маіору князю Меликову. Эту печальную для насъ новость мы узнали еще 27-го числа, въ лагерь на кегерскихъ высотахъ. Шамиль же, содержавшійся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ подъ строгимъ карауломъ, недѣли черезъ полторы былъ отправленъ въ С.-Петербургъ.

С. Р.

С. Медвѣдь. Новгородской губерніи.